Отношения Московского и Константинопольского Патриархатов в 1960-е – начале 1970-х годов по материалам архива Отдела внешних церковных связей

Вышедшая в журнале «Церковь и время» ***статья протоиерея Сергия Звонарёва****, кандидата богословия, секретаря по делам дальнего зарубежья Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, докторанта Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, посвящена взаимоотношениям Русской и Константинопольской Православных Церквей в период расцвета международной деятельности Московского Патриархата, связанного с личностью второго председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова). Выдающийся иерарх и дипломат Русской Церкви, человек, которого можно по праву назвать религиозным лидером, придавал большое значение контактам Московского и Константинопольского Патриархатов. В этих контактах приходилось учитывать как роль Фанара в православном мире, так и его тесные связи с мировыми политическими центрами.*

Повестка двусторонних отношений была довольна обширна и включала в себя вопросы подготовки Собора Православной Церкви, межправославного сотрудничества в обсуждении тем, волнующих Поместные Православные Церкви, признания со стороны Константинопольского Патриархата автокефального и автономного статуса Церквей, юрисдикционной принадлежности церковных территорий, диалога с Римско-Католической Церковью, протестантскими и Древними Восточными церквами, экуменического диалога на площадках международных христианских организаций, положения русского монашества на Святой Горе Афон и многие другие. В рассматриваемый период двум Поместным Церквам удавалось найти точки соприкосновения даже по сложным темам, либо заложить основания для будущих компромиссов.

Отношения с Константинопольским Патриархатом находились в фокусе внимания Русской Православной Церкви. Многочисленная переписка, имеющаяся в архиве Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, свидетельствует о тесных контактах двух Церквей в 60-х – начале 70-х годов XX столетия. Эта переписка включает в себя многое из того, что не публиковалось, да и не могло публиковаться в официальной церковной прессе, в частности, на страницах «Журнала Московской Патриархии». Письма священноначалия Русской и

Константинопольской Православных Церквей, в которых выражались позиции по актуальным вопросам двусторонней повестки отношений, содержались приглашения и братские просьбы, составляют наиболее содержательную основу фонда Архива ОВЦС по изучаемому вопросу. Получить информацию о круге общения представителей двух Церквей и поднимаемых в ходе переписки темах помогают подборки документов, объединенные рубрикой «Переписка с разными лицами», также находящиеся на хранении в Архиве Отдела. Церковные архивные документы помогают обогатить историческую науку в области внешних связей Русской Церкви. Вклад в их исследование в разные годы вносили М.В. Шкаровский, О.Ю. Васильева, А.Л. Беглов, О.Л. Церпицкая и другие церковные и светские ученые.

Повестка двусторонних связей

Контакты между двумя Церквами стали продолжением общения предшествующего периода, но получили новый размах и содержание. Заметным событием предшествующего времени было участие делегации Константинопольской Церкви в торжествах, проходивших в Москве в 1957 году, посвященных сорокалетию восстановления патриаршества в Русской Церкви.

И Русская, и Константинопольская Церковь в лице своих предстоятелей выражали заинтересованность в предварительном рассмотрении вопросов, вызывающих взаимный интерес, в числе которых был вопрос подготовки будущего Собора Православной Церкви и предваряющего его Предсобора**[1]**. Другими темами, привлекавшими внимание обеих Церквей, были участие в работе Всемирного совета церквей, присутствие русского монашества на Святой Горе Афон, отношение к не находившимся в общении с Поместными Православными Церквами церковным структурам, в числе которых Русская Православная Церковь Заграницей.

Напряженными в повестке общения двух Церквей вопросами стали деятельность так называемой Североамериканской митрополии и Западноевропейского экзархата русских приходов, находившегося в юрисдикции Константинопольского Патриарха. В Русской Церкви констатировалось отсутствие должной реакции, а попросту игнорирование Константинопольским Патриархатом решений Московского Патриархата в отношении вышеупомянутых церковных структур.

Американский континент обладал конфликтогенным потенциалом. Связано это было с тем, что на нем сосуществовали структуры разных Поместных Православных Церквей, из которых особенно выделялись Греческая православная архиепископия Америки в юрисдикции Константинопольского Патриархата и Патриарший экзархат Северной и Южной Америки в составе Московского Патриархата. Здесь же располагалась Североамериканская митрополия, которая воспринималась Русской Церковью как раскольническая структура. Отказ от

канонической оценки митрополии, негласное признание ее главы и иерархов, факты сослужения с духовенством митрополии представителей Греческой православной архиепископии Америки, недовольство приглашением руководства митрополии на общеправославные американские встречи, недоумения и протесты, порождаемые нелегитимным переходом клириков одной юрисдикции в другую – всё это создавало негативный фон в отношениях между Московским и Константинопольским Патриархатами на американском направлении. Этот фон обостряла и политическая составляющая взаимоотношений двух сверхдержав – СССР и США, которые использовали церковный фактор для усиления собственных позиций. Властям Соединенных Штатов было небезразлично, будет ли иметь распространение на североамериканском континенте лояльная американскому правительству Греческая православная архиепископия или структуры Московского Патриархата. Американские власти обращали внимание на потенциал укрепления позиций Московского Патриархата на североамериканском континенте в случае установления канонических отношений Русской Церкви с Североамериканской митрополией. В интересах Вашингтона было сближение митрополии с греческой Архиепископией и поддержание разделения между митрополией и Патриаршим экзархатом.

Другими болевыми точками во взаимоотношениях двух Церквей, уходившими вглубь предшествующего времени, были деятельность Русской Православной Церкви Заграницей, юрисдикционная принадлежность Финляндской Православной Церкви, автономию которой в рамках своей канонической структуры предоставил Константинопольский Патриархат, отсутствие признания со стороны Фанара автокефального статуса Польской и Албанской Православных Церквей, Православной Церкви в Чехословакии, положение русского монашества на Святой Горе Афон. На эти сложности в отношениях Русской и Константинопольской Православных Церквей обращал внимание Константинопольского предстоятеля Патриарх Алексий в своем обращении от 7 марта 1953 года**[2]**. «Интересы, несовместимые с церковной пользой», «увлечение мирскими началами»**[3]** – формулировки, под которыми скрывались указания на вмешательство политических сил в церковные дела. Константинопольский Патриарх находился под сильным влиянием со стороны Соединенных Штатов Америки в вопросах, касавшихся православного присутствия на североамериканском и европейском континентах. Американские власти старательно противодействовали возможному укреплению Русской Православной Церкви за пределами СССР. Впрочем, такие усилия были на руку и Фанару, выступавшему с претензией на диаспору.

Экспансия Фанара на каноническую территорию Московского Патриархата в первой половине XX века не могла оставаться без реакции со стороны Русской Православной Церкви. В числе спорных оказались Церкви в Эстонии и Латвии, юрисдикционная принадлежность которых претерпевала трансформации в зависимости от изменений государственного статуса прибалтийских стран, а также изменений их границ в связи с распадом Российской империи

и расширением западных территорий Советского Союза накануне Великой Отечественной войны, а также действий немецких оккупационных властей. Фанар сохранял в своей юрисдикции Эстонскую Автономную Православную Церковь (ЭАПЦ), или, как ее еще именовали, Эстонскую Архиепископию. Ее Синод находился в Стокгольме, а приходы – в ряде стран европейского, американского и австралийского континентов (США, Канаде, Австралии, Великобритании, Швеции, Федеративной Республике Германии и других). Русская Церковь не признавала канонический статус ЭАПЦ и подчеркивала то обстоятельство, что все епископы, священнослужители и миряне, приходские общины в Эстонии и канонически, и территориально-фактически находятся в юрисдикции Московского Патриархата. Патриарх Алексий писал в марте 1969 года предстоятелю Константинопольской Церкви о недопустимости епископской хиротонии протоиерея Сергия Самона, рассматриваемого в качестве главы ЭАПЦ, а также вновь повторял адресованную в августе 1961 года просьбу о необходимости исправить встречающееся в календаре Элладской Православной Церкви упоминание Эстонской Церкви с автономным статусом в составе Константинопольского Патриархата**[4]**.

Претендовал Фанар и на исторические юрисдикционные права в отношении Украинской Православной Церкви, несмотря на тот неоспоримый факт, что и Украинская Церковь, и Церкви прибалтийских стран управляются епископатом, поставленным и подчиняющимся Русской Церкви. Особо чувствительной темой взаимоотношений двух Церквей были контакты Фанара и греческой православной Архиепископии Северной и Южной Америки с руководством и представителями украинских самосвятов, объединенных в «Украинскую православную церковь в США и Южной Америке». Такие контакты заметно усилились после дарования Московским Патриархатом автокефалии Православной Церкви в Америке в апреле 1970 года. Глава Архиепископии архиепископ Иаков (Кукузис) встречался с представителем «Украинской православной церкви в США» «епископом» Мстиславом Скрипником, после чего в июле 1971 года состоялась встреча Мстислава с Патриархом Афинагором. Последний направил приветственное послание участникам так называемого VII собора Украинской православной церкви в США, состоявшегося в октябре 1971 года и избравшего Мстислава Скрипника «митрополитом» и главой раскольнической структуры. Патриарх Московский и всея Руси Пимен писал Патриарху Афинагору, что его весьма удивило обращение предстоятеля Константинопольской Церкви к Мстиславу Срипнику как к законному иерарху**[5]**.

В переписке двух предстоятелей звучали и проблемы, возникавшие во взаимоотношениях между приходами двух юрисдикций, как, например, в случае отказа со стороны старосты греческого прихода в Цюрихе и одновременно консула Греции господина К. Гертсоса признавать для православных греков действительность таинств Брака и Крещения, совершенных в храме Воскресения Христова в Цюрихе в составе Западноевропейского экзархата Московского Патриархата**[6]**.

В отдельных случаях, касавшихся отношений с лицами, пребывающими в расколе, Фанар демонстрировал верность церковным правилам и одергивал допустивших их нарушение иерархов.

Большое напряжение в отношениях двух Патриархатов вызвало предоставление Русской Церковью в апреле 1970 года автокефального статуса Православной Церкви в Америке. Активная переписка между патриаршими престолами выявила непреодолимые разногласия в вопросах оценок исторического присутствия Русской Церкви на американском континенте, ее материнского права в отношении Североамериканской митрополии, правомочия Москвы принимать решение без предварительных консультаций с Фанаром и в отсутствие общеправославного решения по вопросу предоставления автокефалии**[7]**. Участники переписки остались при своем мнении, а отказ Фанара признать Автокефальную Православную Церковь в Америке на долгие годы стал неразрешимой проблемой в повестке взаимоотношений Московского и Константинопольского Патриархатов.

Взаимные посещения

На всем протяжении 1960-х – в начале 1970-х годов личные встречи и контакты предстоятелей Русской и Константинопольской Церквей воспринимались как действенные механизмы продвижения по пути решения наболевших проблем. В декабре 1960 года Святейший Патриарх Алексий во главе церковной делегации совершил поездку на Фанар. Темами его встречи и общения с Патриархом Константинопольским Афинагором стали проблематика юрисдикционной принадлежности православных приходов русской традиции в Западной Европе, установление канонической связи Константинопольского Патриархата с Албанской Православной Церковью и Православной Церковью в Чехословакии, а также автокефальный статус Грузинской Православной Церкви. Позже на эти темы последовала переписка предстоятелей двух Церквей, в том числе с передачей справочного материала об истории становления и развития Православия в Грузии, Албании и Чехословакии, каноническом статусе Церквей.

Представитель Константинопольского Патриархата при Всемирном совете церквей в Женеве в 1961 году епископ Мелойский Емилиан (Тимиадис) оценивал константинопольский визит Патриарха Алексия как имеющий «исключительную важность» и «большое историческое значение»**[8]**.

Обмен делегациями двух Церквей, поездки отдельных иерархов способствовали установлению личных контактов, дружеских отношений, что являлось вкладом в укрепление связей между

Московским и Константинопольским Патриархатами. Так, в конце июля – начале августа 1965 года по приглашению председателя ОВЦС митрополита Ленинградского и Ладожского Никодима пределы Русской Церкви посещали митрополиты Родосский Спиридон (Синодинос) и Карпафский и Касский Апостол (Папаиоанну). Состоялись их встреча со Святейшим Патриархом Алексием и совместные богослужения с митрополитом Никодимом. В феврале-марте 1966 года состоялся визит в Москву митрополита Гелиопольского и Фирского Мелитона (Хадзиса). Активный участник экуменического движения, он в 1965 году в составе делегации Константинопольской Церкви посещал Рим, Лондон и Утрехт с целью донесения до глав Римско-Католической, Англиканской и Старокатолической Церквей решений III Всеправославного совещания на о. Родос (1–15 ноября 1964 года). Греческий иерарх встретился со Святейшим Патриархом Алексием, имел общение с председателем ОВЦС митрополитом Никодимом, в том числе по темам развития диалога Православной Церкви с инославными церквами и Древними Восточными нехалкидонскими церквами. В знак братской любви и на молитвенную память Патриарх Алексий передал Патриарху Афинагору через митрополита Мелитона икону, которая была помещена предстоятелем Константинопольской Церкви в домашней часовне. Предполагалось, что ответным визитом станет поездка митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима на Фанар, которая изначально планировалась в апреле 1968 года, но затем по техническим причинам была перенесена на май, а после и вовсе на неопределенное время. Причиной переноса стал отказ иерарху в выдаче турецкой визы. Патриарх Алексий неоднократно просил Патриарха Афинагора содействовать в вопросе выдачи турецкими властями въездной визы председателю ОВЦС**[9]**. В ответных посланиях Патриарх Афинагор выражал горячее пожелание того, чтобы поездка митрополита Никодима на Фанар состоялась, но указывал на отсутствие возможности помочь в решении проблемы с визой**[10]**. Между тем в ОВЦС готовилась обширная повестка переговоров митрополита Никодима с Патриархом Афинагором и иерархами Константинопольского Патриархата. В нее вошли все актуальные в то время вопросы взаимоотношений Московского и Константинопольского Патриархатов: визит Патриарха Афинагора в Москву; подготовка Предсобора и обсуждение повестки заседания Межправославной комиссии в Женеве; вопросы православно-англиканского и православно-старокатолического диалогов; позиция Константинопольского Патриархата по взаимоотношениям с Римско-Католической Церковью, по отношению к IV Ассамблее Всемирного совета церквей и самой межхристианской организации; отношение Константинопольской Церкви к Русской Православной Церкви Заграницей и Североамериканской митрополии, а также к Западноевропейскому экзархату русских приходов; перспективы признания Фанаром автокефального статуса Православной Церкви в Чехословакии, предоставленного Московским Патриархатом в 1951 году; пополнение русских монашеских общин на Святой Горе Афон; возможность исключения из списка учреждений Константинопольского Патриархата, публикуемого в ежегодном межправославном греческом календаре-справочнике, Православной Церкви в Чехословакии, Эстонской и Латвийской архиепископий и Православной Церкви

в Венгрии; наконец, место Грузинской Православной Церкви в диптихах.

Шли месяцы, а перспектива поездки председателя ОВЦС на Фанар представлялась по-прежнему туманной. Было решено воспользоваться участием заместителя председателя Отдела епископа Зарайского Ювеналия (Пояркова) в заседании подготовительного комитета Всемирной конференции по вопросам религии и мира в Стамбуле для проведения личной встречи с Предстоятелем Константинопольской Церкви. Однако турецкая сторона в очередной раз отказала представителю Отдела во въездной визе.

В Москве ожидали ответного визита Патриарха Константинопольского Афинагора, приглашения которому озвучивались Предстоятелем Русской Церкви. Такой визит как жест взаимности на посещение Фанара Святейшим Патриархом Алексием в декабре 1960 года должен был послужить свидетельством братского общения двух патриархов, а также возможности в очном формате обсудить вопросы как двусторонней повестки отношений, так и многосторонней с участием других Поместных Православных Церквей. В августе 1967 года Патриарх Афинагор сообщал Патриарху Алексию о намерении посетить Русскую Церковь в конце сентября – начале октября 1967 года**[11]**. В программе поездки были предусмотрены встречи не только с Предстоятелем Русской Православной Церкви, но и с Католикосом-Патриархом всея Грузии Ефремом II и Патриархом и Католикосом всех армян Вазгеном I. Этот визит должен был открыть программу посещений Предстоятелем Константинопольской Церкви Сербской, Румынской и Болгарской Церквей, а также Ватикана, Англиканской и Старокатолической церквей, Всемирного совета церквей. Однако в Русской Церкви было предложено перенести сроки визита либо на декабрь 1967 года, либо на первую половину 1968 года, с упором на май месяц**[12]**. На встрече с послом Греции в Москве Георгиосом Варсамисом митрополит Никодим сообщал о причинах такого переноса: празднование пятидесятилетия советского государства, в связи с чем все гостиницы должного уровня в Москве будут заполнены гостями правительства**[13]**. Патриарх Афинагор был готов совершить визит в Москву в первой декаде мая 1968 года, однако Патриарх Алексий, ссылаясь на преклонный возраст и старческое недомогание, а также категорическое указание врачей провести курс лечения, просил Константинопольского Патриарха перенести свой визит на более благоприятное время.

После кончины Патриарха Алексия, 2 июня 1971 года на Поместном Соборе Русской Православной Церкви Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков) был избран на московский Патриарший престол. Готовился мирный визит Предстоятеля Русской Церкви в Константинопольский Патриархат с посещением и других Поместных Церквей православного Востока. Однако встрече Патриархов Пимена и Афинагора не суждено было состояться. 7 июля 1972 года Патриарх Афинагор скончался. В этот же день Патриарх Пимен телеграфировал председателю Синода Константинопольской

Церкви митрополиту Халкидонскому Мелитону (Хадзису) с выражением соболезнований и информацией о направлении на погребение Патриарха Афинагора делегации Русской Церкви в составе митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, представителя Московского Патриархата при Всемирном совете церквей в Женеве профессора протоиерея Виталия Борового, представителя Русской духовной миссии в Иерусалиме протодиакона Владимира Назаркина и секретаря Представительства Московского Патриархата при Всемирном совете церквей Г. Н. Скобея**[14]**. Телеграммы со словами соболезнований в адрес митрополита Мелитона направили председатель Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим и новоназначенный председатель Отдела внешних церковных сношений митрополит Тульский и Белевский Ювеналий (Поярков)**[15]**.

Уже 16 июля 1972 года состоялось избрание нового предстоятеля Константинопольской Церкви. Им стал митрополит Имврский и Тенедский Димитрий (Пападопулос). 29 декабря Патриарх Пимен направил новоизбранному 269 Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху свое ответное приветственное послание**[16]**.

Важной составляющей общения двух Поместных Церквей были контакты руководства ОВЦС с зарубежными иерархами Константинопольского Патриархата. В феврале 1971 года митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим посетил Сидней. В ходе визита состоялось общение и совместные богослужения с главой греческой православной Архиепископии Австралии архиепископом Австралийским Иезикиилем (Цукаласом). Митрополит Никодим уже после своего ухода с поста председателя ОВЦС просил Патриарха Афинагора менее чем за месяц до кончины предстоятеля Константинопольской Церкви благословить архиепископа Иезекииля совершить ответный гостевой визит в СССР, что должно было, по мнению ленинградского архипастыря, послужить укреплению и расширению братских связей между Константинопольским и Московским Патриархатами**[17]**. Благожелательный ответ Фанара поступил за три дня до смерти Патриарха Афинагора за подписью митрополита Халкидонского Мелитона (Хадзиса). Однако архиепископ Иезекииль не смог прибыть в СССР, сославшись на болезнь и рекомендации врачей.

Поздравительная и личная переписка

Укреплению контактов между Русской и Константинопольской Православными Церквами служила поздравительная переписка по случаю праздников Пасхи и Рождества Христова, дней тезоименитства и значимых дат со дня рождения предстоятелей. Патриарх Афинагор зимой 1966 года выражал слова сочувствия и поддержки митрополиту Никодиму в связи с его болезнью,

поздравлял председателя ОВЦС с днем тезоименитства, на что иерарх отвечал сердечной признательностью**18**. Впрочем, личная переписка в общении официальных представителей двух Церквей была минимальной и ограничивалась лишь отдельными случаями проявления внимания.

Проявления партнерского характера двусторонних контактов

Хотя отношения между двумя Церквами было бы безосновательно называть доверительными, в то же время мы встречаем жесты со стороны как синодальных учреждений Константинопольской Церкви, так и Константинопольского Патриарха, демонстрирующие определенный уровень расположения и открытости. В качестве подтверждения можно привести письмо Патриарха Афинагора Патриарху Алексию от 1 июля 1961 года с целью «детального осведомления» о посещении Предстоятеля Константинопольской Церкви представителями папы Римского и состоявшемся обмене мнениями**[19]**; информационную справку с хронологией встреч и записью бесед секретаря Секретариата по христианскому единству Римско-Католической Церкви священника И. Виллебрандса (будущий кардинал и известный экуменический деятель Католической Церкви) с Патриархом Константинопольским Афинагором и председателем синодального Комитета по всехристианским вопросам Константинопольской Церкви митрополитом Сардским Максимом (Цаусисом) и членами комитета на Фанаре 15–16 февраля 1962 года**[20]**; копию доклада Комитета по всехристианским вопросам Константинопольской Церкви о посещении Фанара в мае 1962 года Архиепископом Кентерберийским Артуром Майклом Рамзеем**[21]**; справку с изложением подробностей встречи Патриарха Афинагора с папой Римским Павлом VI в Иерусалиме в январе 1964 года**[22]**; информационную справку из синодальной канцелярии Константинопольской Церкви с изложением деталей встречи делегации Фанара с папой Римским Павлом VI и представителями курии**[23]**; аналогичные справки, раскрывающие подробности встречи фанарской делегации с руководством и членами Совета по вопросам внешних сношений Церкви Англии, Архиепископом Кентерберийским Михаилом Рамзеем, а также Архиепископом Утрехтским Андреем Ринкелем**[24]**, и другие письма, информационные справки и заметки за разные годы, объединенные преимущественно темой взаимоотношений Константинопольского Патриархата и инославных церквей**[25]**.

В адрес Русской Православной Церкви направлялись официальные хроники заседаний Священного Синода Константинопольской Православной Церкви, а также служения и встреч Константинопольского Патриарха, содержащиеся на страницах информационного бюллетеня «Эпискепсис»**[26]**. Такие сводки позволяли наблюдать по крайней мере за внешней канвой событий в жизни Константинопольского Патриархата. Порой на страницах «Эпискепсиса» появлялись недружественные публикации и комментарии о жизни Русской Церкви. По словам

Святейшего Патриарха Пимена, такие публикации не служили развитию братских отношений между Русской и Константинопольской Церквами и даже ставили под вопрос сотрудничество Московского Патриархата с константинопольским центром в Шамбези**[27]**.

Священноначалие Русской Церкви, в свою очередь, демонстрировало поддержку Константинопольскому Патриархату в моменты обостренных отношений Фанара с государственными властями. Так, Святейший Патриарх Алексий ходатайствовал об освобождении митрополита Салоникского Пантелеимона (Папагеоргиу), помещенного властями Греции под домашний арест. В своем обращении Патриарху Афинагору, в юрисдикции которого находилась Салоникская митрополия, предстоятель Русской Церкви призывал заявить решительный протест в связи с «бесцеремонным и беззаконным обращением с видным в Православии иерархом»**[28]**.

По просьбе Патриарха Константинопольского Афинагора Патриарх Московский и всея Руси Алексий оказывал внимание греческим ученым, желавшим изучать архитектуру русских православных храмов. Одного такого ученого – архитектора, профессора Фессалоникского университета Николая К. Мутсопулоса – Предстоятель Русской Церкви принял лично. Профессору было оказано все необходимое содействие в работе**[29]**.

Предстоятели Русской и Константинопольской Православных Церквей делились информацией о лишении священного сана иерархов и клириков (в отдельных случаях – о восстановлении в архиерейском достоинстве, как это случилось с митрополитом Пафским Фотием (Кумидисом)**[30]**), переходах клириков из юрисдикции одной Церкви в другую**[31]**.

Двусторонняя повестка отношений Церквей дополнялась вопросами межправославного сотрудничества, межцерковных связей, в том числе с Римско-Католической Церковью, Древними Восточными церквами, Англиканской, Старокатолической и иными инославными церквами, православного участия в экуменическом движении, в первую очередь на площадке Всемирного совета церквей.

Каналы общения и государственный контроль

Контакты Московского и Константинопольского Патриархатов, переписка между ними находились под пристальным вниманием Совета по делам Русской Православной Церкви, а позже – Совета по делам религий. С греческой стороны контроль за перепиской осуществлялся посольством Греции в Москве. Промежуточные инстанции, через которые проходило письменное

общение двух патриарших престолов, не только существенно замедляли скорость обмена мнениями и передачи информации, но и в ряде случаев приводили к ситуации, когда письма не доходили до своих адресатов. Например, передача списков монашествующих Русской Церкви, которые должны были пополнить состав братии русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон, заняла более двух лет (с октября 1963 года по декабрь 1965 года), а письмо Патриарха Алексия Патриарху Афинагору на тему перспектив диалога Православной Церкви с Древними Восточными церквами, направленное из Москвы 5 августа 1965 года, не было получено на Фанаре и в январе 1966 года.

В качестве заключения

Отношения Московского и Константинопольского Патриархатов в 1960-е – начале 1970-х годов определялись повесткой работы над будущим Собором Православной Церкви и в этой связи подготовительными предсоборными мероприятиями и встречами, контактами с Римско-Католической Церковью, европейскими христианскими церквами, экуменической деятельностью на площадке Всемирного совета церквей. Демонстративно доброжелательные, эти отношения исходили из интересов той и другой стороны. Порой такие интересы, касавшиеся в первую очередь юрисдикционной принадлежности церковных структур в диаспоре, отношения к расколу, входили в противоречие и выливались в конфликты, как это произошло в случае предоставления Московским Патриархатом автокефалии Американской Православной Церкви.

Контакты Русской и Константинопольской Церквей не были свободны, а в условиях «холодной войны» между СССР и США и не могли быть свободны от характера взаимоотношений двух сверхдержав и их политических союзников. Зависимость Фанара от американских властей приводила к противодействию со стороны Константинополя планам Русской Церкви по преодолению церковных разделений в рассеянии, успешная реализация которых означала бы усиление ее присутствия в странах западного мира. Такой сценарий вызывал напряжение политических и церковных деятелей на американском и европейском континентах, поскольку Русская Церковь подозревалась в продвижении интересов советских властей.

В то же время необходимо признать, что конфликт интересов между двумя Церквами не привел в рассматриваемый период к заморозке или разрыву отношений Москвы и Фанара. Кризис отношений, холод тона переписки сменялись доброжелательностью, во всяком случае внешней, но неизменными оставались цели и задачи, которые стояли перед Московским и Константинопольским Патриархатами.

Примечания

1. Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 25.02.1960 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1960. С. 2.

2. Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 7.03.1953 г. // Архив ОВЦС. Д. 41. 1953. С. 1–8.

3. Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 25.02.1960 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1960. С. 4.

4. Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 4.03.1969 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1969.

5. Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 16.03.1972 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1972. С. 3.

6. Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 26.03.1964 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1964.

7. Письмо Святейшего Архиепископа Константинополя – Нового Рима и Вселенского Патриарха Афинагора местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену от 24.06.1970 г.; письмо митрополита Пимена Патриарху Афинагору от 10.08.1970 г.; письмо Патриарха Афинагора митрополиту Пимену от 9.09.1970 г.; письмо митрополита Пимена Патриарху Афинагору от 14.01.1971 г.; переписка иерархов в связи с автокефалией Американской Православной Церкви от 14.01.1971 г. // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 9. С. 6–11, 12–15; 1971. № 2. С. 2–3.

8. Письмо епископа Мелоисского Емилиана протоиерею В. Боровому и А. С. Буевскому // Архив ОВЦС. Д. 31. /Переписка с разными лицами/. 1961.

9. Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 14.08.1968 г., телеграмма Патриарха Алексия Патриарху Афинагору от 16.09.1968 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1968.

10. Письма Святейшего Архиепископа Константинополя – Нового Рима и Вселенского Патриарха Афинагора Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 4.09. и 15.11.1968 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1968.

11. Письмо Святейшего Архиепископа Константинополя – Нового Рима и Вселенского Патриарха Афинагора Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 17.08.1967 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1967.

12. Телеграмма Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 14.09.1967 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1967.

13. Записка от 14.09.1967 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1967.

14. Кончина Вселенского Патриарха Афинагора // Журнал Московской Патриархии. 1972. № 8. С. 1.

15. Там же. С. 1–2.

16. Известительная грамота Патриарха Константинопольского Димитрия и ответ на нее // Журнал Московской Патриархии. 1973. № 2. С. 3–4.

17. Письмо митрополита Ленинградского и Ладожского Никодима Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 16.06.1972 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1972.

18. Телеграмма Святейшего Архиепископа Константинополя – Нового Рима и Вселенского Патриарха Афинагора председателю ОВЦС митрополиту Ленинградскому и Ладожскому Никодиму от 18.02.1966 г., ответная телеграмма митрополита Никодима Патриарху Афинагору от 24.02.1966 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1966; поздравление Патриарха Афинагора митрополиту Никодиму с днем тезоименитства от 13.04.1972 г., ответная телеграмма митрополита Никодима Патриарху Афинагору от 15.06.1972 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1972.

19. Письмо Святейшего Архиепископа Константинополя – Нового Рима и Вселенского Патриарха Афинагора Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 1.07.1961 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1961.

20. Информационная справка синодального комитета по всехристианским вопросам от 24.02.1962 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1962. С. 1–13.

21. Письмо Святейшего Архиепископа Константинополя – Нового Рима и Вселенского Патриарха Афинагора Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 14.06.1962 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1962.

22. Письмо Святейшего Архиепископа Константинополя – Нового Рима и Вселенского Патриарха Афинагора Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 20.01.1964 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1964.

23. Миссия делегации Вселенской Патриархии в Римско-Католическую Церковь для сообщения решения III Всеправославного совещания. Информационная справка главной канцелярии Священного Синода Константинопольской Православной Церкви // Архив ОВЦС. Д. 31. Ч. 1. 1965. С. 1–10.

24. Миссия делегации Вселенской Патриархии в Англиканскую Церковь для сообщения решений III Всеправославного совещания. Информационная справка // Архив ОВЦС. Д. 31. Ч. 1. 1965. С. 1–14; Миссия делегации Вселенской Патриархии в Старокатолическую Церковь для сообщения решений III Всеправославного совещания. Информационная справка // Архив ОВЦС. Д. 31. Ч. 1. 1965. С. 1–8.

25. Единственным исключением является хроника встречи Патриарха Константинопольского Афинагора с Папой и Патриархом Александрийским Николаем, направленная предстоятелем Константинопольской Церкви Патриарху Алексию. Письмо Святейшего Архиепископа Константинополя-Нового Рима и Вселенского Патриарха Афинагора Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 27.03.1969 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1969.

26. «Эпискепсис» – официальный печатный журнал Константинопольского Патриархата, выходящий в свет в Шамбези два раза в месяц, начиная с 1970 года и до настоящего времени.

27. Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Димитрию от 16.01.1973 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1972.

28. Телеграмма Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 18.01.1968 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1968.

29. Письмо председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополита Ленинградского и Ладожского Никодима Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 13.05.1965 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1965. Ч. 1.

30. Письмо Святейшего Архиепископа Константинополя – Нового Рима и Вселенского Патриарха Афинагора Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 29.09.1966 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1966.

31. Письмо Святейшего Архиепископа Константинополя – Нового Рима и Вселенского Патриарха Афинагора Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 22.02.1962 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1962; письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху Афинагору от 20.06.1963 г. // Архив ОВЦС. Д. 31. 1963.

Источник: https://mospat.ru/ru/authors-analytics/91303/